

Михинский В.

сдарт 19

МИМОЛЕТНОСТИ

У

ГЕНИАЛЬНОГО польского поэта-романтика Норвида, которого нашему читателю еще предстоит по-настоящему открыть, есть стихотворение, заканчивающееся строфой:

Прошлое — это «сейчас»,
Только немного дале;
Вон — плетень,
За ним — село,
А не время, которое мимо прошло
И которого мы не видали...

Петербургский эфир в содружестве с французской телекомпанией «Ля Сет» подарили нам фильм «Вацлав Нижинский». На экране ожили легендарные образы русского «Серебряного века» — эпохи, ставшей символом русской культуры, ее славой, ее всемирным эхом.

Странный и страшный финал жизни Нижинского — десятилетия безумия — открылся в фильме не только как завершение частной судьбы гениального мастера. Фильм удался как раз потому и поразили тем, что драматургия его построена на трагическом, в чем-то, разумеется, безнадежном, но по истинному счету — отнюдь не неравном противостоянии художника и века. То, что сам наш век, с энтузиазмом приняв небывалое по масштабам творчество красоты, тут же занялся и «творчеством смерти», стало первоосновой трагического конфликта. Слом судьбы Нижинского предстал в этом остром на язык, бесконечно нежном фильме совсем неожиданно. Великий мастер, которому выпал жребий озарить начало безумного столетия, ушел в свое безумие, как в спасение. Ушел под грохот первой глобальной войны между народами. А затем и войны, расколовшей его собственный народ. Ушел, прозревая следующие акты вселенской драмы, которые ему также предстояло пережить. Была у безумия Нижинского поразительная особенность: замолчав на десятилетия, он все-таки произносил изредка

два-три слова. Одни и те же: «Слишком много крови...»

Фильм о Нижинском оказался — по времени — близким соседом передачи, показанной по первому каналу и, к сожалению, толком не объявленной заранее. Поэтому многие ее просто не увидели. А жаль. Интервью Вацлава Гавела, данное в Праге Егору Яковлеву, дорогого стоит.

На сей раз речь шла прежде всего о текущей политике. И — как о части ее — о дикой ситуации, в которой разрушаются, разлагаются культурные, духовные связи, не одними только властями бывших соцстран творившиеся. В общем-то не ими творившиеся, а создававшиеся повседневным общением людей, идей. Если попытаться определить главное, что отличало эту передачу, ее интонацию, ее смысл — это умная память прошлого. Та, без которой тускнеют, глупеют и настоящее, и будущее. Зыбкое «сейчас» обрело в устах Гавела какую-то особую, естественную, сегодня очень непривычную для нас основательность. Почему?

Да потому, что художник, правозащитник, профессиональный бунтарь и в жизни, и в искусстве предстал человеком несуетливым. Интеллигентным в самом исконном — нашем, русском смысле слова. Не то что «неиспорченным» привычностью телеглаза, наблюдавшего за беседой, а просто органически не способным поддаться соблазну броской текучки — политической, «эфирной», любой. Замечательно было это зримое сопротивление соблазну. Гавел думал на экране, не искал взвешенных формулировок, а просто говорил так, как должно — когда речь шла о нераздельности судеб чехов и словаков и о невозможности силой заставить народы жить под одной крышей. О понятности ситуации, в которой прежние

Действующее лицо

связи между странами, народами, культурами бывшего социалистического содружества стали рваться — и о недопустимости, противоестественности этой ситуации.

Говорил человек, имя которого навсегда связано и с «Пражской весной», и с борьбой против патологической «нормализации», когда «сильная рука» наводила «порядок», направляемая еще более сильной десницей «старшего брата», и с «бархатной революцией». (Гавел как-то просто, точно объяснил, что в эпоху тотальных перемен бархат — материал для одноразового использования...).

А несколькими днями позже на телеэкране была уже наша, созданная «Союзнафильмом», лента «Сны наяву». Час общения с Львом Разгоном. Старый писатель вспоминал о страшном прошлом. Авторы же — в такт его мысли, чувству — завершили ленту кадрами, запечатлевшими жуткие гримасы нашего времени. В том числе — иступленные лица нынешних «неистовых ревнителей» всего того, что не могло не погибнуть, что создавало и хочет по-прежнему создавать ужас нашего бытия. И не было в этом лобовом сопоставлении ничего нарочитого, грубого. Наоборот: вышло так, что именно эти сопоставления дали экранный вариант поэтического образа: «Прошлое — это «сейчас», только немного дале».

Так что выходит, что и «безумие прошлого» — разнолико. У Нижинского — одно, у «блестителя» по фамилии Корабельников — другое. И телеэкран по-своему мудр, когда одергивает нас, едва мы пытаемся отнестись к прошлому как к чему-то, где большинство «не бывало». Пишу текст этой колонки, а на экране демонстрация у Кремлевского «плетня» в день памяти Сталина.

Василий КИСУНЬКО.